

Преобладаніе научнаго сомнѣнія въ современномъ невѣріи ¹⁾.

VII.

Указывая на совершающейся въ ученомъ мірѣ переворотъ возврѣній на природу, мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы смѣнившая научный материализмъ энергетика или ея, какъ кажется, грядущая преемница, теорія электрическаго происхожденія силы и вещества, были свободны отъ затруднений и достаточны, въ ихъ иныхъ рессурсахъ, для цѣлостнаго научнаго мірообъясненія. Еще менѣе думаемъ мы приписывать этимъ новымъ возврѣніямъ по существу принциповъ, въ основѣ ихъ лежащихъ, обладаніе положительными началами нравственно-религіознаго свойства. Новое міровозрѣніе претендуетъ пока быть *только естественнымъ объясненіемъ естественныхъ міровыхъ процессовъ*: опо, стѣдовательно, въ своей, чисто-научной области, уклоняется принципиально отъ включенія религіознаго начала въ кругъ до ступинъ наукъ истолкованій фактовъ. Не случайно же, конечно, напримѣръ, отсутствіе слова „Богъ“ во всемъ томъ томъ натурфилософскіхъ лекцій Оствальда! Недаромъ и горячай обличитель научнаго материализма, рѣшигельный защитникъ возрождающейся естественної телевологіи Р. Франса събѣнить заявить, что эту послѣднюю „не слѣдуетъ понимать тенетически“; что „въ доктринѣ современнаго паницизма Бога богословія еще нѣть“ и что „мы все еще можемъ на вопросъ о мѣсть Его въ нашемъ учениї

1) Продолжение См. Октябрь

новторить отвѣтъ Лапласа: „гипотеза личнаго Бога намъ не нужна”¹⁾). Еще знаменательнѣе то, что такой глубоко религіозный ученый, какъ лордъ Кельвінъ, находитъ все-таки, что „предостойно науки прибѣгать, вмѣсто естественнаго объясненія явлений природы, тамъ, гдѣ таковое возможно, къ непосредственному акту Творца”, а потому и самъ онъ для объясненія возникновенія органической жизни на землѣ, обращается къ гипотезѣ запекенія ся зародышей изъ иныхъ міровъ какимъ-либо метеоритическимъ процессомъ: „какъ инакцепттрична и призрачна эта теорія”, сознается великий физикъ, „ее все-же нельзя назвать не-научною”²⁾.

Согласно съ такими взглядами на обособленность научной работы отъ религіозныхъ соображеній, и новое міронистолкованіе, повторяемъ, хочетъ быть только естественнымъ объясненіемъ космоса. Но уже и теперь достаточно выяснилась неспособность энергетики дать изъ своихъ началь удовлетворительное истолкованіе цѣлая ряда физическихъ и иныхъ процессовъ, настолько, что, быть можетъ, подъ вліяніемъ этихъ неудачъ, за самое послѣднее время наблюдается опять оживленіе пѣкоторой склонности въ сторону атомистическихъ гипотезъ³⁾, а Больцманомъ быта даже сдѣлана блестящая попытка именно посредствомъ атомистики дать вразумительное истолкованіе второго закона самой энергетики⁴⁾. Да и главный проповѣдникъ послѣдней Оствальдъ, хотя и полагаетъ, что „энергетическое міровоззрѣніе способно все выѣстигть”, однако называетъ энергетику „лишь рамой природы” и сознается, что „рама—еще не картина” и что для объясненія содержанія картины потребуется еще много времени и труда⁵⁾, причемъ однако „и энергія не все можетъ объяснить, ибо за предѣлами ея лежитъ нечто, еще болѣе емкое, наимъ пока непознанное”⁶⁾. Но мы видимъ же ученыхъ, не расположенныхъ къ энергетицѣ, она „не только не объясняетъ тѣйствительно совершающагося, а скоро затемняетъ

¹⁾ Francé. Der heutige Stand der Darwinschen Fragen, 121.

²⁾ Thomson—Kelvin Popular Lectures and Addresses II, 199—202.

³⁾ Poincaré. La Physique modérne, 98, 101—102. Picard, 117.

⁴⁾ Planck, 9.

⁵⁾ Ostwald. Vorlesungen, 244.

⁶⁾ Ostwald. Ueberwindung, 35.

его; по чи́слу же остающихся нерѣшеными міровыхъ зага-
юкъ она, будто бы, ничѣмъ не лучше механистики¹⁾.

Однако, если бы и было такъ, если бы энергетика дѣй-
ствительно была пока „не въ состояніи объяснить всѣхъ
даже физическихъ явлений, не говоря уже о явленияхъ
духа“²⁾, нельзя тѣмъ не менѣе отрицать, что она, въ отли-
чие оть механистики и материализма, по крайней мѣрѣ не
воздвигаетъ принципіальныхъ препятствій къ признанію
самобытности и оригиналности духовныхъ явлений и не по-
даетъ, следовательно, такихъ поводовъ къ религіознымъ отри-
цаніямъ, которые выводились раньше изъ антиспиритуалистиче-
ского ингилізма. Матерія и духъ, полагаетъ Оствальдъ,
объединяются въ понятіи энергіи, но не обезличиваются: вся
энергія не сводится безразлично къ одному все-уравниваю-
щему механическому началу, признается не одинъ только
родъ энергіи, а разные роды ея, различны по количеству и
по феноменально лѣпь, а качественно и реально, специфиче-
ски (свѣтовая, химическая, электрическая энергія и т. д.);
и, „въ учениіи обѣ этихъ особыхъ энергіяхъ“, дополняетъ
Оствальдъ, „мы имѣемъ право вѣрить въ возможность
научного проведения понятія *и психической энергіи*³⁾, „ду-
ховной, высшей и рѣдчайшей изъ всѣхъ⁴⁾. Отныне, замы-
каетъ Лоджъ, „нельзя уже исключать вопросъ о жизни, о
духѣ и о волѣ изъ состава естественной философіи“ (т. е.
изъ природовѣдѣнія)⁵⁾. Но примѣру еще Іоганна Мюллера,
признавшаго специфическую энергию (первую) для объясне-
нія физиологическихъ функций⁶⁾, цѣлая плеяда новыхъ
биологовъ стоитъ за самостоятельность особаго, самобытнаго
жизненнаго начала, разъясняющаго процессъ органическаго

¹⁾ Schnehen. Die energetische Weltanschauung 53—65, 67. Ср. Classen Vorlesungen über moderne Naturphilosophen. Hamburg, 1908, 59 ff

²⁾ Schnehen. 137.

³⁾ Ostwald Vorlesungen VII; 393—394.

⁴⁾ Тамъ-же, 396—397. Максъ Ферворнъ (Naturwissenschaft u. Weltans-
chauung, 22), обращаетъ вниманіе на „совершенно исключительный“ ха-
рактеръ, приписываемый Оствальдомъ этой энергіи: все другіе виды
энергіи—объективны; эта же—субъективна; объективно констатировать
ее невозможно, для энергетики по крайней мѣрѣ, въ которой эта спе-
цифическая сила остается въ полномъ смыслѣ слова *qualitas occulta*

⁵⁾ Lodge. Life and Matter, 164.

⁶⁾ Ostwald Vorlesungen 377, 381, 384

бытія, начала, дѣйствующаго не механически и не фатально, а сознательно и цѣлесообразно, даже въ высшей степени цѣлесообразно.

Въ опредѣлениі этого начала, въ истолкованіи его свойствъ и способовъ дѣйствій царитъ пока полный хаосъ и, добавимъ, широкий произволъ; но самая сила броженія и обиліе разномысльїй свидѣтельствуютъ объ некрепости и глубинѣ кризиса, совершающагося въ этой области знанія. Въ главномъ однако всѣ представители этого направления новѣйшій біологіи согласны: объяснить жизнь механически невозможно, говорить Франсѣ, подводя итоги эволюціи дарвинизма. Такое объясненіе, въ сущности,—та же замаскированная теология, надъ которой материалисты столь безнравно глумились, не замѣчая, что съдѣствіемъ ихъ собственного объясненія является признаніе конечнымъ двигателемъ и первопричиною случай, то есть, силы слѣпой, безсознательной. Удаляя изъ природовѣдѣнія Бога теологического, материалисты ставятъ на Его мѣсто новое „безземысленное божество, случай, прикрывая этимъ фиктивнымъ творцомъ глубину собственнаго невѣжества“ „Материализмъ изъять цушу изъ природы и превратить миръ въ безземысленный механизмъ“, безземысленный, ибо „безъ интеллигенціи механизмъ жизни существовать не можетъ!“ Такой грубый материализмъ долженъ вызывать реакцію, должна приводить къ признанію всемирного Бога. Во всякомъ случаѣ „нельзя не привѣтствовать благотворнаго поворота въ науку отъ случая и безземыслицы къ духу и смыслу“¹⁾

Но повторяемъ, на этомъ поворотѣ—сколько ко гебаній! послѣ него—какое разнопутье и сколько блужданій! Ограничимся двумя—тремя характерными примѣрами. Вотъ хотя бы „теорія доминантовъ“ ботаника Рейнке: „Надъ всѣми пергіями стоитъ высшая сила, она руководить ими: она не можетъ ни происходить изъ энергіи, ни превращаться въ нее: это сила духовная: она тѣйстуетъ на силы природы, направляя и опредѣляя ихъ: по одна, безъ нихъ, не можетъ производить ничего: она тѣйстуетъ, съ довагально, по за-

---

¹⁾ France' Der gegenwrtige Stand der Darwin Fragen 45, 40, 41, 59
53—54, 59.

юнамъ и въ предѣлахъ каузальности¹⁾). Ея частныя воплощенія, „доминанты“, эти властные агенты, эти „кормчіе энергіи“, являются для автора теоріи такимъ же необходимымъ предположеніемъ для объясненія цѣлесообразности сложныхъ процессовъ органической жизни, какимъ была раньше для Максвелля грэза о распоряжающемся спиритѣ природы геніи, пригодномъ, впрочемъ, по приговору Кельвина, въ лучшемъ случаѣ, для объясненія однихъ механическихъ явлений, а не біологическихъ, уходящихъ за предѣлы динамики²⁾). Вручая однако своимъ „доминантамъ“ регуляцію различныхъ проявлений энергіи, кильскій ботаникъ въ еще большей степени, чѣмъ его предшественникъ фізикъ, убѣжденъ, что всѣ виды дѣятельности этихъ кормчихъ энергій для насъ — глубочайшая тайна³⁾). А вотъ и другой варіантъ стремленія новѣйшей біологии оправдать теоретически факты цѣлесообразности, наблюдалой въ мірѣ органическомъ,—теорія энтелекії Ганса Дриша, теорія „души, какъ элементарного фактора въ природѣ“. Пятью положеніями⁴⁾, основанными на фізіологическихъ и психологоческихъ данныхъ, въ особенности же на анализѣ процесса активнаго дѣйствія⁵⁾), Дришъ приходитъ спачала къ заключенію о невозможности объяснить жизненные процессы механически, а затѣмъ, для истолкованія ихъ, прибегасть къ принципію особыхъ, цѣлесообразно дѣйствующихъ силъ, формулирующихъ и регулирующихъ матеріальный ходъ природы и называемыхъ имъ „жизнесамостоятельными (біоавтономными) энтелекіями“ или „объектальными онтами, элементарными (основными), автономными факторами природы“, „обладающими зпаніемъ и волею“⁶⁾), то-есть, ставящими себѣ цѣль, однако не рефлективно, а инстинктивно, и столь же

¹⁾ Reinke Die Welt als That, 293—304. Cp David Cholodenko. Die teleologische Betrachtung in der modernen Biologie (Reinke, Drisch. Cosmann). Bern, 1909, 5 ff.

²⁾ Thomson—Kelvin The Sorting Demon of Maxwell въ Popular Lectures I. 144—148.

³⁾ Reinke, l. c

⁴⁾ Hans Driesch Die „Seele“ als elementarer Naturfaktor Leipzig, 1903, 5 ff. u Die organischen Regulationen Leipzig, 1901.

⁵⁾ Die „Seele“ etc 47 ff.

⁶⁾ Тамъ-же, 83—86

стихійно¹⁾) находящими средства и способы къ ихъ выполнению:—элементы совершенно отличные отъ матеріи, по „пока наблюдаемые нами лишь въ связи съ материальными предметами: претеривающіе умноженіе при дѣленіи тѣла, съ коими они связаны, безъ утраты однако своей цѣльности“. различные, на конецъ, по своимъ родамъ и „іерархическимъ степенямъ“, сообразно съ тѣми или иными биологическими функциями, которыми они завѣдываютъ: элементы, въ заключеніе всего, будто-бы отнюдь не метафизические, а „данные положительной міровой закономѣрностью“²⁾.

Другіе учёные, воздерживаясь отъ подобныхъ детально проанализированныхъ, по чересчуръ гадательныхъ предположеній, но признавая въ то же время, что энергетическое объясненіе процессовъ жизни и духа „чуть ли не еще труднѣе, чѣмъ (само по себѣ несостоятельное) механистическое“, приходятъ, подъ вліяніемъ Авенаріуса, Маха и Цигена или же самостоятельно, какъ физиологъ Макель Ферворнъ, къ „психомонизму“ въ общихъ широкихъ чертахъ, къ устраненію безкапчично дѣяющагося дуалистического спора о матеріи и духѣ призваніемъ, что „весь гълестый міръ есть *лишь содержание психеи*“ и что міръ вообще можетъ быть изъясненъ „только психологически“, панпсихически³⁾.

Но тогда какъ некоторые изъ современныхъ учёныхъ довольноствуются перенесенiemъ смысла жизненныхъ процессовъ и явлений на разныя таинственныя и неопределенныя силы, начала и т. п., показалуй, даже чуть не своеобразныя существа, другие умы, отрѣшившись отъ боязни бывшей науки включать религіозный элементъ даже и въ конечные ея выводы, переходятъ уже къ болѣе определенному, уже къ *теистическому* истолкованію тѣхъ же тайнъ. Представителемъ такого направления, является, между прочимъ, известный фізиикъ Лоджъ. „Я борюсь“, говоритъ онъ, „противъ двухъ заблужденій: во-1), противъ отрицанія руководящаго, направ-

¹⁾ „Бессознательные цѣли и бессознательные средства ихъ выполнения“, по мнѣнію Cholodenko въ его этюдѣ о Дрішѣ. Die teleologische Be- trachtung etc., 31

²⁾ Drisch Die Seele I. c u Der Vitalismus als Geschichte und als Lehre Leipzig, 1905, 242—243.

³⁾ Max Verworn Naturwissenschaft und Weltanschauung 20—23; 25—29; 32; 43: 47—48

ляющаго, центральнаго начала въ энегріи, а во-2), противъ того, что жизнь—только одна изъ формъ материальной энергіи. Первое заблуждение—самое главное. Законъ сохраненія энергіи не даетъ никакого права отрицать направляющую активную силу. Однако ни матерія, ни энергія не обладаютъ способностью автоматического руководства и контроля. Кроль и другіе доказали, что энергія не содержитъ въ самой себѣ силы руководящей. Неорганическая матерія, правда, подчиняется вѣшниму вліянію безъ какихъ-либо предопредѣленныхъ цѣлей; но совсѣмъ иное дѣло—организмъ: его сущность—намѣреніе и цѣль: а откуда ихъ почерпнуть въ ресурсахъ самой энергіи? Регуляція не есть функція энергіи, и объяснить ее механически, матеріалистически пѣть никакой возможности. Остается, следовательно, признать, что жизнь—не матерія и не энергія, а иѣчто принадлежащее къ иной, особой категоріи, къ началу, не только быть можетъ, сверхземному, но и иимматеріальному.. Это міръ, не повелѣваемый физикою и химіей, а утилизирующій посредствующіе ресурсы матеріи для своихъ собственныхъ цѣлей и способный къ бесконечному развитію. Матерія есть лишь носитель и орудіе духа, повелѣвашаго ею и превосходящаго ее¹⁾. Но огнъ еще не все сказано! Источникъ этого духа, продолжаетъ Лоджъ, мы не въправѣ сводить также къ особому роду общемировой энергіи: «я съ тобою Кельвишомъ, убѣждень, что *жизнь сама не можетъ рождать энергию*: она можетъ только руководить ся трансформаціями. *Не энергія, следовательно, руководитъ, а интеллигенція;* физическая же энергія только подчиняется руководству и контролю. Руководство и контроль—не формы энергіи, не разновитности силы: они—иѣчто, *превосходящее* схему физики, хотя и не нарушающее физическихъ и механическихъ законовъ» Такимъ образомъ, заключаетъ бирмингемскій физикъ, искрививъ путь нашихъ разысканій долгъяръ привести насъ къ признанию концепціи *дѣйствія Божественнаго*, возможность такой концепціи мы, конечно, не въправѣ отрицать: вселенная содержитъ слишкомъ явная указания наличность реальности высшей, чѣмъ духъ человѣческій²⁾. «Жал-

¹⁾ Lodge. Life and Matter. VII—VIII, 23—24; 117—118; 120; 136; 198—200; 123;

²⁾ Тамъ же, 160; 164; 170—172: 95

кій современний монизмъ и пантезмъ" недостаточны для уясненія этой высшей реальности¹⁾: данные науки указываютъ намъ не на безличную, неопределенную міровую силу или міровую душу, а на Бога-Творца, на "вѣчно дѣйствующаго Создателя міра и его Правителя", по выражению порта Кельвина²⁾.

Какой контрастъ въ этихъ „неповѣданіяхъ вѣры" современныхъ ученыхъ съ религіознымъ нигилизмомъ временъ Бюхнера и Молешотта! и какою карикатурою на современное отношение точной науки къ религіозному началу оказываются, постѣ такихъ признаній, крики пропагандистовъ атеизма о сплошномъ невѣріи ученыхъ или такія ядалки тирады по этому поводу, какъ стѣдующая, вышедшая изъ подъ пера иѣкоего русскаго профессора: "Богъ можетъ быть и не быть, смотря по спросу на Него"³⁾. Въ противоположность этому циническому балагурству, несомнѣнному съ серьезностью штинааго вѣянія, величайший физикъ нашего времени лордъ Кельвинъ счѣлъ въ 1903 г. нужнымъ *публично и демонстративно* заявить, что „современная наука слѣдуетъ не за доказуемость Бога, а, наоборотъ, *настойчиво* указываетъ на необходимость призванія и прінятія идеи Бога-Творца"⁴⁾. А вотъ и другія свидѣтельства въ томъ же духѣ. „въ предѣлахъ строго-научного наблюденія и опыта, природа не только показываетъ намъ Бога, но и доказываетъ Его“, пишетъ Фламмаріонъ въ своей, пользующейся такимъ широкимъ распространениемъ, книжѣ „Богъ въ природѣ“ „Познаніе природы“, говоритъ ботаникъ Рейнке, „приводитъ къ признанію Божества съ необходимостью: это—необходимое логическое слѣдствіе теоріи организмовъ: это не обманъ воображенія, „не порожденіе вѣры или суевѣрія, а логическій выводъ изъ фиктовъ точнаго знанія“⁵⁾. Въ своемъ „Курсѣ инференціального анализа“ известный математикъ Бесселесъ также заявляетъ, что бытіе Бога—не гипотеза только, а доказуемый научный выводъ изъ законовъ вселенной, заставляющихъ признать необходим-

¹⁾ Тамъ же, 113.

²⁾ Thomson—Kelvin. Popular Lectures and Addresses II, 205.

³⁾ Ковалевскій. Мірозданіе, 119.

⁴⁾ Bridges. Illustrations of Positivism. London, 1907, 193

⁵⁾ Reinke Die Welt als That. 13: 307

маго „Мирового Двигателя“, необходимую „упорядочивающую интелигенцию, аналогичную съ нашимъ разумомъ“, но „несравненно превосходящую разумность человѣческую“, по основательной поправкѣ уже великаго Гельмгольца¹⁾. Царвинастъ Уоллэсъ свою долгую, научно столь плодотворную дѣятельность заканчиваетъ обширнымъ трудомъ объ „обнаруженіи творческой силы Правящаго Духа и конечной цѣли въ мірѣ“, и притомъ „на основаніи старательного изученія научныхъ фактовъ величайшими научными авторитетами“²⁾ Онъ полагаетъ, что „умножающіяся и все углубляющіяся тайны, всегда ветрѣчающіяся съ нами по мѣрѣ прогресса нашихъ знаній о вселенной, уже и теперь ведутъ и должны и въ будущемъ, пока есть люди на землѣ, приводить къ понятіямъ все болѣе правильнымъ о силѣ, а, быть можетъ, до некоторой степени, и о природѣ Творца вселенной и царють начь матерьялы для религіи, основанной на научномъ знаніи, на мѣсто всѣхъ существующихъ религій и вѣрованій вѣковъ минувшихъ“³⁾. Другой заслуженный зоологъ, Ромэнъ, оставилъ намъ столь поучительную по искренности и добросовѣтности исповѣдь патуралиста о постепенномъ переходѣ, *по чисто научнымъ побужденіямъ*, сначала—отъ традиціонной вѣры къ невѣрію, а затѣмъ, *по мѣрѣ углубленія въ изученіе природы*,—отъ атеизма къ теизму и, наконецъ,—къ положительному христіанству⁴⁾; Ромэнъ, хотя и признаетъ въ полной мѣрѣ различность въ естествознаніи убѣдительнѣйшихъ наведений къ признанію Бога, считаетъ однако за ошибку во—1) мыслие, будто „бытие Божіе есть не болѣе, какъ проблема естествознанія, разрѣшиваемая только человѣческимъ разумомъ безъ участія другихъ, высшихъ человѣческихъ способностей“, а во—2) мнѣніе, будто объясненіе духовныхъ процессовъ и

¹⁾ Тамъ-же, 271.

²⁾ Wallace. *The World of Life*, 333

³⁾ Тамъ-же, 391.

⁴⁾ Посмертное сочиненіе Ромэнса „Мысли о религіи“ издано съ отрывками изъ его прежнихъ, къ той же темѣ относящихся статей и съ другими цѣнными добавленіями въ немецкомъ переводе Деннертомъ: G. J. Romanes. *Gedanken über Religion* Göttingen, 1899. Нельзя не пожелать скорѣйшаго включенія этого цѣннаго труда и въ нашу апологетическую литературу.

явленій можетъ быть проведено въ предѣлахъ одной естественной причинности (каузальной связи), тогда какъ на самомъ дѣлѣ для этого потребны „причины высшія и Нервичное Существо, стоящее выше всего физического и механическаго“. „Интеллигенція эта“, поясняетъ Роменсь. „должна быть аналогичною человѣческому разуму, потому что иначе религіозные инстинкты, несомнѣнно присущіе человѣку и единственные въ своемъ родѣ въ мірѣ живыхъ созданий, не имѣли бы аналогіи ни съ чѣмъ въ цѣлой вселенной и не могли бы найти оправданія своей наличности, чтѣ противорѣчило бы закону цѣлесообразности, столь явно дѣйствующему въ природѣ“¹⁾ Но, говорить далѣе Роменсь, эта Высшая Интеллигенція можетъ быть мыслимая нами не иначе, какъ безусловно свободною, какъ объективная воля; и вотъ здѣсь-то мы и сталкиваемся съ преобладающимъ доселе среди естествоиспытателей главнымъ преубѣжденіемъ противъ признанія такой, абсолютно свободної дѣйствующей первопричины. Признанію ея мѣшиаетъ будто бы явно доказанная, незыблемая закономѣрность всего, въ природѣ совершающагося. Если бы, говорять, и было личный Богъ, Его все же нельзя было бы признать непосредственно дѣйствующимъ въ процессахъ естественной каузальности; Его роль, все равно, свелась бы къ минимальной, къ роли единовременнаго, одномоментнаго пробудителя дѣятельности вторичныхъ, уже естественныхъ причинъ²⁾.

Что Роменсь правъ, подчеркивая эту точку зрения по отношению ко многимъ современнымъ естествоиспытателямъ, тому на лицо многочисленныя доказательства даже среди религіозно настроенныхъ изъ нихъ. Этотъ фактъ констатируетъ и Р. Франсэ, самъ готовый признать Бога, но не личнаго, христианскаго и не Логоса Платона, а Пантеоса до-сократиковъ, именно потому, что „міръ правится не произволомъ, а законами“ и „прогрессъ въ природѣ осуществляется не паномѣрно, а принудительно“³⁾. Даже у Рейнке, несмотря на его искреннюю религіозность, сквозять остатки того же страха ученой мысли передъ полновластіемъ божественной воли.

¹⁾ Romanes Gedanken, 85—86, 68—70

²⁾ Тамъ-же, 102.

³⁾ France' Der gegenwrtige Stand der Darw. Fragen, 121; 17.

Признавая не личного Бога, а „Божество, Космическую Интеллигенцію, Космический Разумъ“¹⁾, создавший миръ и руководящий имъ, Рейнке не хочетъ свести его на пантепетическую мировую душу²⁾, сдѣлать его только имманентнымъ космосу. Такая имманентность несомнѣнно есть механическимъ построениемъ растений и животныхъ, ибо отъ понятія машины неотдѣльно понятіе ея изобрѣтателя и построителя. Несостоятельность даетъ пантезизмъ и потому, что, по нему, интеллигентность и цѣлесообразность должны быть изначальными, вѣчными свойствами самой матеріи, а это противорѣчить фактамъ, доказывающимъ, что энергіи, предоставленные вецеъю самимъ себѣ, способны вызывать только хаотические, а не планомѣрные и цѣлесообразные процессы. Божество, стѣдовательно,—не миръ и не имманентное только жизненное и активное начало въ мірѣ. Богъ заразъ и имманентъ, и трансцендентъ: „Онъ живеть въ природѣ, какъ духъ изобрѣтателя и построителя каждой машины, и, въ этомъ смыслѣ, Онъ имманентъ міру; по въ то же время Онъ и трансцендентъ наль организмами, подобно тому, какъ Эдиссонъ трансцендентъ по отношенію къ каждому отдельному телефону. Слово „Богъ“ есть символъ суммы тѣхъ интеллигентныхъ и организующихъ силъ, которыя одновременно—и трансцендентны, и имманентны, которыя рождаются имманентность изъ трансцендентности“³⁾ Конкретнымъ, добавочнымъ проявленіемъ боязни признаетъ полноту воли и власти Божіей надъ міромъ физическихъ процессовъ у Рейнке является удержаше положенія о несозданности матеріи: творческую силу Божию онъ сводить, стѣдовательно, на распоряженіе надъ непостижимо откуда и какъ явившимся первоматерьяломъ. Равнымъ образомъ, послѣ совершенно искреннихъ похвалъ космологіи Моисея, „столь прогрессивно сравнительно съ варварскимъ атеизмомъ“⁴⁾, ему самому все-таки желательно ограничить число дней творенія: въ отличие отъ Дю-Буа-Реймана, „онъ не можетъ управиться однодневнымъ творческимъ

¹⁾ Reinke. Die Welt als That, 316 и.

²⁾ Тамъ-же, 307.

³⁾ Тамъ-же, 472

⁴⁾ Reinke, 481

актомъ: ему потребно, по менышеи чѣрѣ, два днѧ, а пожалуй, и цѣлыхъ три: одинъ—для созданія нашей солнечной системы, другой—для созданія органической жизни и, если угодно, третій—для сотворенія человѣка¹⁾.

Какъ на постѣдній примѣръ той же ограничительной тенденціи по отношенію къ полнотѣ божественной активности у религіозно настроенныхъ изъ современныхъ ученыхъ, указаемъ на Уоллэса. Съ упорствомъ, непонятнымъ и огорчительнымъ для русскаго переводчика его труда, отказываясь объяснить однимъ закономъ постепенной эволюціи переходъ неорганической матеріи въ организованную, переходъ безознательного бытія къ сознательному и появление высшихъ душевныхъ способностей, и „включая такимъ образомъ въ развитіе нашей планеты отъ времени до времени совершенно посторонній ей факторъ“²⁾, и съ несомнѣнною любовью погружаясь въ детальное разслѣдованіе фактovъ „естественнай телевологіи“, почтенный Несторъ дарвинизма приходитъ къ заключенію, что „вся цѣль материальной вселенной есть развитіе духовныхъ существъ“ по плану и по волѣ Творца³⁾; но само выполненіе плана, самый процессъ творенія и прогрессирующаго развитія, по соображеніямъ, сходными съ выше указанными, и онъ считаетъ нужнымъ признать осуществлявшимися и осуществляемыми не самимъ Богомъ непосредственно, а „Его существенными координаторами въ процессѣ развитія жизни“: имъ, „Его верховнымъ ангеламъ“, приписываетъ онъ, „сотвореніе, по делегаціи силы и власти отъ Бога, первоначальной, космической области эфира, со всѣми ей присущими качествами и силами, необходимыми для всего далѣе слѣдующаго“⁴⁾,—кон-

¹⁾ Тамъ же, 486

²⁾ Таковы сътвованія проф. Мензбира, „удивляющагося“ тому, что этой „оригинальнѣйшей точки зрѣнія“ ааслуженный англійскій дарвинистъ „непоколебимо держится уже 35 лѣтъ, несмотря на огромный прогрессъ физическихъ и біологическихъ наукъ за указанный періодъ времени“. Статья „Уоллэсъ и его научное значеніе“, приложенная ко 2 изданію русск перевода „Дарвинизма“, стр. XXV.

³⁾ Wallace. The World of Life, 394

⁴⁾ Тамъ-же, 394 sqq, съ довольно подробнымъ описаніемъ постепенного осуществленія этой эволюціи „съномъ небесныхъ воинствъ, для которыхъ тысяча лѣтъ—какъ день единый“.

ценція будто-бы, „болѣе вѣроятная, чѣмъ та, которая приписываетъ Божеству не только планъ всего космоса, но и непосредственное дѣйствіе на каждую клѣточку каждого живого существа, тогда какъ въ концепціи delegaciї творческихъ силъ является возможность сочетать максимальную красоту, разнообразіе и полезность всего въ мірѣ для человѣка съ автоматическимъ процессомъ развитія при минимумѣ (впѣнняго) руководительства“¹⁾.

Въ противоположность этому благонамѣренному, но не лишенному иѣкотораго пативного комизма балансированію ученаго ума между минимумомъ Божественной воли и максимумомъ естественной закономѣрности, ближайшій сотоварищъ Уоллеса по области научнаго труда, Роменсъ, выступаетъ съ проектомъ примиренія свободы Творца съ закономѣрностью творенія. Онъ ставитъ себѣ цѣлью доказать, что 1) признаніе личнаго Бога не составляетъ препятствія для Его имманентнаго присутствія въ природѣ, точно также, какъ не мѣшиаетъ оно и признанію, что вся каузальность есть непосредственное выраженіе Его воли; 2) что, наоборотъ, всѣ приложимые къ данному вопросу аргументы приводятъ къ заключенію, что Богъ дѣйствительно имманентенъ природѣ; 3) по что, если тѣкъ, и если воля Божія постѣдовательна, то всѣ естественные причинности непремѣнно должны *казаться* намъ механическими и 4), что поэтому сведение таковыхъ на ихъ естественные причины нельзя считать за доказательство противъ божественнаго происхожденія какойлибо вещи или какоголибо явленія²⁾. Съ этой точки зреянія обычное въ спорахъ между религіей и наукой противопоставленіе естественнаго и сверхъестественнаго должно отпасть и замѣниться признаніемъ, что все совершающееся—естественно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣниться и отказомъ отъ обычнаго ложнаго взгляда па то, что, если дано объясненіе явленія или процесса въ терминахъ естественной причинности, то тѣмъ самымъ будто бы уже и *все сполна объяснено*: наоборотъ, пора признать, что объясненіе, въ такомъ случаѣ, *дано не болѣе, какъ въ предѣлахъ ресурсовъ и компетенгности лишь этой, естественной причинности*, тогдѣ какъ роли-

¹⁾ Тамъ-же, 395.

²⁾ Romanes Gedanken über Religion, 103.

рось о причинѣ *конечной* и здѣсь *не раскрыть* еще, а лишь *отодвинуть* въ даль¹⁾. Пора признать, что „такъ называемая естественная область неправомѣрно выросла за счетъ такъ называемой сверхъестественной“; и надо дивиться, до какой степени укрѣпилось и широко разлилось совершение онібочное предубѣжденіе, будто должно считать научное объясненіе достаточнымъ и полнымъ, если оно раскрыло загадки сравнительно ничтожныя, поверхностныя, допускающія условія такъ называемаго естественного объясненія, и оставило совсѣмъ безъ разсмотрѣнія неизмѣримо болынія, глубочайшія тайны въ области того, что, опять въ силу ложнаго предвзятаго мнѣнія, считается сверхъестественнымъ. Предполагаемое, кажущееся, по не дѣйствительное противорѣчіе лежитъ не между естественнымъ и сверхъестественнымъ, а лишь между доступнымъ и недоступнымъ намъ въ области каузальныхъ процессовъ мірозданія. Пусть естествознанію по силамъ, пусть ему принадлежать по праву объясненія одной лишь первой категоріи! но какое право даетъ эта природная ограниченность науки отрицать недоступныя ей, *конечные начала* всякой вещи, каждого явленія, всякаго бытія, и, сопряженныя съ этими, наукѣ позывѣстными причинами, дѣйствія и факты, представляющіеся ей, въ силу именно ея непѣдѣнія, сверхъестественными и потому, будто бы,—невозможными²⁾.

Подходя съ иной стороны къ тому же вопросу, походясь въ его решеніи, почтенный бернскій физикъ Грунеръ въ академической рѣчи на тему „Какъ возможно быть естествоиспытателю христіаниномъ?“ замѣчаетъ: „личный ли Богъ есть причина всѣхъ дѣйствій природы или же слѣпой рокъ; являются-ли законы природы вѣчными, безначальными и непрѣходящими правилами непостижимаго для насъ свойства, или же они—полное жизни выраженіе Бога порядка, направляющаго ихъ по Своему благоусмотрѣнію,—это ни мало ничего не измѣняетъ въ нашихъ пріемахъ изслѣдованія, раскрывающихъ только „Какъ“ естественныхъ процессовъ, но никогда ихъ „Откуда“ или „Цѣль чего“. Вопросы религіи вообще, христіанства въ частности—вѣтъ силь, вѣтъ

¹⁾ Тамъ-же, 105.

²⁾ Romanes, 106—107

компетенціи науки. Правда, материализмъ даётъ на эти вопросы свои, очень опредѣленные, даже слишкомъ опредѣленные отвѣты и отрицаєтъ личнаго Бога; но, спрашивается, на какомъ научномъ правѣ основаны его отрицанія, когда у него нетъ научныхъ обоснованій для его собственныхъ утверждений? Материалистъ и нынѣ, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ, относительно этихъ вопросовъ въ правѣ изречь только „*Ignoramus et ignorabimus!*“ Онъ знаетъ во всемъ міробомъ процессъ только одну непрерывную, абсолютную, каузальную связь, не допускающую ни свободы, ни Божественнаго проявленія, ни добра, ни зла, ни вины, ни наказанія. Но откуда у него право выдавать свой ограниченный, единичный опытъ за выводы универсальные? откуда знаетъ материалистъ, что не существуетъ цѣлаго ряда ниграничныхъ наукъ областей, въ которыхъ связи каузальная замѣщается связями иныхъ категорій? откуда известно ему, что за игрою этихъ матеръяльныхъ процессовъ нѣть еще иной, активной, свободно царящей силы?...¹⁾ Но какъ материалисты не отвѣтятъ убѣдительно на эти, вполне правомѣрно предъявляемые къ штму вопросы, никто не смееть говорить: „какъ можетъ быть естествоиспытатель вѣрующій? какъ можетъ опъ быть христіаниномъ?“ Но мы зато, въ силу отсутствія убѣдительныхъ отвѣтовъ съ противоположной стороны, мы въ правѣ сами спросить: „какъ можетъ современный естествоиспытатель быть научно-убѣжденымъ материалистомъ?“...

VIII.

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ мы видимъ, что новородъ современныхъ естествоиспытателей къ течѣму вызванъ главнымъ образомъ оживленіемъ среди нихъ сознанія наличности планомѣрности и цѣлесообразности въ природѣ. Дѣйствительно, переворотъ, совершившійся въ этомъ отношеніи на пространствѣ полуостолѣтія, должно назвать изумительнымъ. Физико-геологическое доказательство бытія Божія, столь любимое въ XVIII вѣкѣ, подвергнутое острой философской критикѣ Кантомъ, поруганіе материализмомъ въ

¹⁾ Gruner. Wie ist es m glich dass ein Naturforscher ein Christ sei? Bern, 1905, 15—16.

половинѣ прошлаго столѣтія, получило, какъ многимъ казалось, окончательный ударъ съ появлениемъ теоріи Дарвина. Пришомпимъ, какое рѣшающее, будто бы безоворотное значение приписывалось, да и понынѣ, въ тенденціозной средѣ, еще приписывается этой теоріи агитаторами невѣрія, и какія серьезныя сомнѣнія противъ аргументовъ въ пользу цѣлесообразности исходили раньше изъ среды даже осторожныхъ и безпристрастныхъ ученыхъ, напримѣръ, Роменса въ его раннихъ статьяхъ по этому поводу¹⁾. Пропло лѣтъ тридцать, иteleologія, эта „священная, но бесподобная весталка науки“, какъ называлъ ее Бэконъ, эта „гетера философіи“, какъ обозвалъ ее Гексли, вернулась побѣдительницею въ область новѣйшаго природовѣданія: и, что особенно достопримѣчательно, какъ разъ сторонники теоріи развитія, дарвинисты и эко-дарвинисты, энергично высказались за реабилитацію ея значенія и достоинства! Тотъ самыи Фиске, котораго такъ высоко ставилъ самъ Дарвинъ за ясное изложеніе началь теоріи развитія, высказать мысль, что teleologія, хотя и не-пригодная для специальныхъ научныхъ изслѣдований, сохраняетъ несомнѣнное принципіальное значеніе въ общемъ натурфилософскомъ пониманіи жизни природы, такъ какъ „ограничить присутствія сознательного намѣренія во вселенной невозможно“ и „эволюціонный процессъ есть высшая teleologія“, возстановляющая первенствующее значеніе человѣка въ природѣ: такъ, что дарвинизмъ, сначала, какъ казалось, опрокинувшій было teleologію, ввѣрь потому, явилось преіней, новую, несравненно сильнѣйшую²⁾. Уоллэсъ, этотъ „первый изъ селекціонистовъ“, призналъ, что естественнымъ отборомъ руководитъ разумная, божественная сила³⁾ и даѣтъ длинный рядъ специальныхъ разслѣдований для подтвержденія дорогихъ ему мыслей о высшей, въ пользу человѣка направлennой цѣлесообразности въ природѣ. Дарвинистъ Роменсь, сначала такъ рѣзко полемизировавший противъ teleologіи, окончить признаніемъ, что въ духовныя обязанности человѣка входятъ поиски Бога въ природѣ, такъ же, какъ и въ Откровеніи; въ обѣихъ этихъ

¹⁾ Romanes Gedanken 72—73 и особенно 11—14.

²⁾ Fiske. The Idea of God. XXII—XXIV и 158 sqq.

³⁾ Francé. Der gegenwärtige Stand. 53—54.

областяхъ субъективныя свидѣтельства о Богѣ находять въ замынное подтвержденіе: телевогія Откровенія добавляетъ собою телевогію природы¹⁾). Телевогія была слишкомъ пренебрѣгаема первыми дарвинистами, укоризненно замѣчалъ еще Кельвінъ; она должно было вернуться, и она вернулась, облеченнaya, по выражению Франсэ, въ новую научную силу²⁾). Мы уже дожили до момента, когда, въ противоположность раннему вдохновителю нового точного знанія Бэконау, воспрещавшему наукъ „безплодное разслѣдованіе конечныхъ причинъ“, столь видный представитель новѣйшей философіи естествознанія, какъ Оствальдъ, ставить въ обязанность „всюду въ біологии спрашивать о конечной причинѣ, объ Finale und Causalle“³⁾). Другой выдающійся натурфилософъ, Рейнке, говорить также: „цѣлесообразность проходитъ че-резъ все развитіе вселенной; біология же вся силою проникнута цѣлесообразностью органической природы. Отрицать реальность было бы научною ошибкою. Мировая ма-шина есть верхъ цѣлесообразности: и даже кажущаяся намъ, частная нецѣлесообразности въ ней не опровергаютъ цѣлесообразности цѣлага“⁴⁾.

Существенно важнымъ въ этомъ переворотѣ возврѣній на смыслъ процессовъ природы было то, что къ нему пришли не умозрительнымъ, философскимъ путемъ, а эмпирическимъ, наблюдениемъ и опытомъ. Съ одной стороны *противники* дар-винизма, какъ, напримѣръ, Вольфъ, фактически подтвердили невозможность истолковать цѣлесообразность въ явле-ніяхъ органической жизни механически или же приспособ-леніемъ слѣпой силы отбора, и предпочитали, какъ Вигандъ, видѣть въ нихъ „сознательные акты Божественной свободы“ Съ другой стороны физически доказанная неусыпшность попытокъ *самыхъ дарвинистовъ* объяснить цѣлый рядъ основ-ныхъ положеній своихъ ученій однимъ половымъ подбо-ромъ, вліяніемъ окружающей среды да приспособленіемъ за-ставила ихъ задуматься надъ причинами внутренними, что содѣствовало переходу отъ правовѣрнаго дарвинизма къ ча-

¹⁾ Romanes, 158

²⁾ Kelvin. Lectures etc. II, 204—205 и Francé, 61

³⁾ Ostwald Naturphilosophie. 339; 341

⁴⁾ Reinke. Die Welt als That, 268—277

марксіанству и неовитализму. Уже первые изъ неоламаркіанцевъ, Пфлюгеръ, Косманъ, Дельпино, стали допускать духовную способность приспособленія у растеній, а Тито Вильоли—возможность выбора у нихъ-же; Бутлеръ заговорилъ о зависимости видоизмененій организмовъ отъ ихъ воли; Пришль выступилъ съ учениемъ о присутствіи души уже у низшихъ организмовъ: Герингъ и Геккель—съ доктриною о душе растительной, о „животной душе“¹⁾; тогда какъ Остwaldъ констатировалъ факты саморегуляціи энергіи въ процессахъ физико-химическихъ²⁾, біологи Вармингъ и Ветндейль убѣдительно обнаружили проявленія саморегуляціи организмовъ³⁾, а Вильгельмъ Ру—массу фактовъ, свидѣтельствующихъ о самопроизвольной функциональной приспособляемости органовъ⁴⁾, тогда какъ Паули далъ уже и блестящія *опытныя* подтвержденія созидательно-цѣлесообразныхъ процессовъ въ органическомъ мірѣ, причемъ отброшено было, даже въ добавочномъ, содѣйствующемъ смыслѣ, значеніе стихійно-дѣйствующаго отбора и причиною цѣлесообразностей въ организмѣ признанъ не случай, не слѣпая необходимость, „а исключительно сила сужденія“, умѣнье использовать выгодное, умѣнье, присущее, будто бы, даже молекулярной, химической области и простирающеся до настоящей изобрѣтательности!⁵⁾. Отчасти предугадывая, отчасти добавляя эти смѣлѣя положенія, Сам. Бутлеръ обратилъ вниманіе на рѣшительное значеніе привычки въ жизненной экономіи организмовъ⁶⁾; Герингъ призналъ память за всеобщую функцию органической матеріи⁷⁾; а Рих. Семонъ развила эти мысли въ систематическую доктрину о „намятии, какъ принципѣ, поддерживающемъ устойчивость въ смысѣ органическихъ процессовъ“⁸⁾. Договорились до

¹⁾ France'. Darwin Fragen, 67—73.

²⁾ Ostwald Vorlesungen über Naturphilosophie, 271.

³⁾ France', 74

⁴⁾ W. Roux. Der Kampf der Theile im Organismus, Leipzig, 1881

⁵⁾ France' 84—91.

⁶⁾ Sam. Butler. Life and Habit. London, 1878.

⁷⁾ Ew. Hering Ueber das Gedächtniss als eine allgemeine Funktion der organischen Materie. Wien, 1870.

⁸⁾ Rich. Semon. Die Mneme als erhaltenes Prinzip im Wechsel des органического Geschehens. Leipzig, 1904. Цѣль и выводы работы—347—348

способности къ разсужденію у органическихъ тканей и органъльныхъ клѣточекъ, до общенія, до бесѣды, чутъ ли не до совѣщанія клѣточекъ другъ съ другомъ „черезъ потокъ пррадацій!...¹⁾.

Наконецъ, съ надѣланнымъ столько щуму на Штутгартскомъ Съездѣ 1906 года рефераторомъ Црибрама о цѣлесообразномъ возстановленіи утраченныхъ или поврежденныхъ частей уже у представителей всѣхъ трехъ царствъ природы, новая биологическая телеология проникла даже въ неорганическій міръ. Отнынѣ опытно обнаруженное въ немъ „абсолютное отвращеніе къ аморфному (безформенному) состоянію“, тенденція кристалловъ къ выбору формъ наиболѣе устойчивыхъ, при сохраненіи принципа наименьшаго дѣйствія: еще болѣе изумительныя, но цѣлесообразности и практичности приемовъ, усиливъ ихъ къ возстановленію нарушенной формы, къ „самоподѣленію“,²⁾—все это даетъ такому признанному знатоку минералогіи, какъ Лашаранъ, поводъ воскликнуть, что эти созанія міра, доселѣ считавшагося бездушнымъ, предстаютъ нынѣ передъ нами „почти какъ личности, да еще какъ чинности взаимоиспользованія!“³⁾. Обобщая наведенія, наблюденія и опыты сюда относящіеся, возникаютъ уже и цѣлья телеологической теоріи въ области современного природовѣдѣнія. Уже Нэгель сдѣмалъ попытку построенія таковой на почвѣ обще-психическаго начала; Коسمанъ другую—на почвѣ анализа начала каузального, которому, по его мнѣнію, биологія ошибочно, вопреки свидѣтельству фактовъ, приписывала универсальное значеніе, примѣнимость ко всѣмъ явленіямъ жизни⁴⁾. Биологін, полагаетъ Коسمанъ, прежде всего, недостаетъ яснаго и открытаго признанія необходимости гелеологии и ея систематического примѣненія ко всѣмъ областямъ теоретической и практической науки о жизни: программу такой „эмпирической телеологии“ огть и даетъ въ третьей части своей книги на эту тему⁵⁾

¹⁾ Francé, 89; 92—93.

²⁾ Lapparent *Science et Apologetique*. 121; 116—121; 147 ss.; 151—153. 122

³⁾ Тамъ-же, 120.

⁴⁾ Kosmann *Elemente der empirischen Teleologie*. Stuttgart, 1899 Разборъ этого труда у Cholodenko.

⁵⁾ Всѣ ея главные отдѣлы: 1) Онтотелеология, трактующая о состоя-

Послѣ всего вышепизложеннаго неудивительно, что, тогда какъ одни ученые еще упорствуютъ на конкретированіи фактовъ по-истинѣ чудесной цѣлесообразности въ природѣ вигъ всякой связи съ религіознымъ началомъ¹⁾ или, хотя и сводя эти „естественныя чудеса“ не къ материю, а къ духу, приписываютъ послѣднему однако качества какъ будто вполнѣ физической (Паули и сходные съ ihmъ²⁾); а другіе, какъ Геккель³⁾, пользуются ученiemъ о цѣлесообразныхъ функцияхъ животныхъ, растительныхъ, „плазматическихъ“ и „клѣточныхъ“ душъ для обновленія матеріализма или для расширенія механическаго объясненія органическихъ процессовъ и явлений, какъ Вильгельмъ Ру⁴⁾,—съ другой стороны находятся и такіе ученые, которые, въ разсужденіяхъ по поводу этихъ наблюдений и опытовъ проявляютъ рѣшиимость перейти къ признанію уже *теистической* причины явленій цѣлесообразности. Такой переходъ вполнѣ понятъ, и для желающихъ совершенно правомоченъ, по сознанію (также несочувствующаго ему Фиске⁵⁾); для большинства же изъ фактovъ и наведеній повѣтѣйшей телевологіи даже вѣроятнѣе выводить заключеніе о личномъ Богѣ, нежели противъ него,—полагаетъ Лаппартъ⁶⁾; и что такія заключенія въ

ніяхъ отдельного индивида; 2) филотелевологія—о состояніяхъ, вытекающихъ изъ прямой наслѣдственности; 3) сексуальная телевологія—о состояніяхъ сродичей одной породы; 4, греческая телевологія—о состояніяхъ, касающихся одного цѣлаго рода, и 5) универсальная телевологія—о состояніяхъ инородныхъ организмовъ

¹⁾ Такъ, напримѣръ, авторъ теоріи мутаций Де-Фрисъ стоитъ за пан-психизмъ, но не принимая его теистическихъ постулатовъ

²⁾ Fransé, 94—95.

³⁾ Характерны между прочимъ, его неутѣшныя сѣтованія по поводу возрожденія витализма, этой „ужасной эпидеміи мозгового разстройства“. Мировыя загадки, 395.

⁴⁾ W. Roux. Entwicklungsmechanik der Organismen.—Programm und Forschungsmethoden der Entwicklungsmechanik der Organismen Leipzig, 1897 etc. Его учение о томъ, что „всѣ приписываемыя матеріи силы и энергіи надѣлены организующею способностью“ (gestaltende Kraft), которая, хотя и разнясь такимъ образомъ, по существу, отъ механической силы въ обычномъ смыслѣ послѣдней, все таки авторомъ понимается какъ нѣчто механическое,—это учение вызвало жестокую критику со стороны Гертинга въ Zeit—und Streitfragen der Biologie 2 Heft Jena, 1897.

⁵⁾ Fiske. Idea of God, 100—101.

⁶⁾ Lapparent Science et Apolog tique 9—10

настоящее время не рѣдкость въ ученой средѣ—это мы слышали отъ Лоджа, Кельвина, Стокса, Уоллеса, Роменса, Рейнке и многихъ другихъ.

Наконецъ, не ограничиваясь одними детальными изысканіями надъ цѣлесообразностью и восходя отъ „міра малыхъ“, еле-видимыхъ или невидимыхъ процессовъ и явлений къ міру земному въ его совокупности и даже къ необъятности космического пространства, новѣйшая телеология не боится выступать п съ самыми широкими обобщеніями въ благоговѣйномъ духѣ и смыслѣ. Такъ, неоднократно уже приводившіяся нами трудъ Уоллеса имѣть своею задачею показать, что цѣлью Творческой Силы въ организаціи и развитіи міра было „предуготовленіе земли для водворенія на ней человѣка, вѣщаца всего космического процесса, единственнаго существа, способнаго понимать природу и выводить изъ нея высшій, повсѣдѣющій Духъ, какъ ея первопричину“, причемъ цѣлью самой нашей земной жизни является „подготовка для жизни будущей, для дальнѣйшаго, непрерывнаго процес-са въ высшемъ состояніи¹⁾. Параллелью къ этому телеологическому истолкованію смысла космогоніи и космологии на основаніи данныхъ биологіи, можетъ служить у Лаппарана очеркъ геологического предуготовленія земли вообще и европейскаго материка въ частности для устроенія человѣчества съ его сложными материальными и общекультурными потребностями²⁾, очеркъ, заканчивающійся такимъ заключеніемъ: „посюду специальная (геологическая и минералогическая) распределенія настали, кажется, какъ разъ наканунѣ той поры, когда должно было появиться на сценѣ земного міра то существо, которое было предназначено стать его повелителемъ“³⁾. Такимъ образомъ, по широкому геологическому синтезу французского академика, все въ мірѣ, начиная отъ геометрическихъ и ариѳметическихъ законовъ⁴⁾ и кончая сложными явленіями органической жизни и процессовъ духовныхъ,—все свидѣтельствуетъ о высшей и всеблагой му-

¹⁾ Wallace. *The World of Life*, 334; 398.

²⁾ Остроумный очеркъ истолкованія телеологического смысла образованія каменноугольныхъ формаций и геологической эволюціи Европы у Лаппарана. *Science et Apologetique* 190—203 и 205 ss

³⁾ Тамъ-же, 211.

⁴⁾ Тамъ-же, 57; 67

ности, руководящей вселенюю¹⁾ „И если“, говорить Іаннаранъ, „послѣ всего этого, при разсужденіи о первоначинѣ, еще можетъ предстоять выборъ между Случаемъ и Провидѣніемъ, мы не поколеблемся признать Провидѣніе“²⁾.

Нормальнымъ слѣдствіемъ возрожденія теологіи въ современномъ естествознаніи должно было явиться измѣненіе отношенія его представителей и къ чуду. Многочисленны призывы ученыхъ XIX вѣка о глубоко-благоговѣйномъ вниманіи на нихъ созерцанія и разслѣдованія тайнъ природы. „Чудеса окружаютъ естествоиспытателя всюду и отовсюду!“ воскликнѣть въ былые годы ботаникъ Марицусъ³⁾, и то же самое констатируетъ геологъ Бишофъ: „чудомъ создать Богъ міръ: чудомъ явилось первое растеніе на землѣ, и какъ бы далеко ни удалось намъ прослѣдить причины явленій, отъ ближайшихъ до отдаленнѣйшихъ, все равно,—мы опять приходимъ къ той же причинѣ, лежащей виѣ міра тѣлъ, то есть, опять приходимъ къ чуду“⁴⁾. Но, скажутъ некоторые,—„то грэзы ученыхъ-пѣтистовъ, на старыи, традиціонный ладъ воспитанныхъ, не укрытыиныхъ вѣрою современаго знанія въ жельзюю необходимость, въ абсолютную неизмѣняемость естественныхъ законовъ, несогласимыхъ съ понятіемъ чуда!“ Но такимъ возражателямъ наука уже напихъ дней отвѣчаетъ въ лицѣ Джорджа Стокса, того Стокса, котораго Гекелі и Гладстонъ называли „Ньютономъ нашего времени, полно-правно царившимъ надъ всею областью современаго естествознанія“ и однако не колебавшимся не только признать отдельное чудо, какъ поступать вѣры въ личнаго Бога, но признать и возможность пріостановки дѣйствій законовъ природы Высшую Волю или же измѣненія ихъ обычныхъ речеій воздействиемъ какого-либо иного закона, въ Ея распоряженіи и предусмотрѣніи находящагося⁵⁾. И такое заключеніе въ области современной науки—не единичное! Другой талантливый физикъ, Гирнь считалъ „удостовѣренными наукой“, что Богъ вмѣшивається въ ходъ природы посред-

¹⁾ Тамъ-же, 270.

²⁾ Тамъ-же, 212.

³⁾ Kneller, 353—354.

⁴⁾ Bischoff. Populare Vorlesungen Bonn, 1843, 13

⁵⁾ G. Stokes Natural Theology.—Gifford Lectures for 1891 London and Edinburgh, 22—25.

ствомъ того акта, который мы называемъ чудомъ, причемъ чудо оказывается „не цротивъ природы, а сверхъ законовъ природы“ ¹⁾). По энергичному саркастическому выражению русского математика П. А. Некрасова, „вѣра въ не-критическую, сверхъестественную чудеса, признаваемыя мистикою материализма, фетишизма и позитивизма, допускающею абсолютно - безсознательную творческую инициативу (слѣпой силы природы) есть суевѣре: по критическое чудо (творчество духовно-разумшаго существа) не противорѣчитъ природѣ“ ²⁾). Физикъ Бальфуръ Стыюартъ также утверждаетъ: „несомнѣнное превозмоганіе дѣйствій известныхъ намъ силъ природы имѣло мѣсто при тѣхъ условіяхъ, которыми сопровождалось присутствіе Христово“ ³⁾; а математикъ Юнгъ по вопросу о чудесахъ вообще пишетъ: „мы не въправѣ утверждать: что обобщенный результатъ нашего ограниченного опыта оказывается свободнымъ отъ всякихъ исключеній даже и при свѣтѣ болѣе расширеншаго знанія. Стараясь ввести кажущіяся исключенія въ кругъ научнаго порядка, мы злоупотребляемъ авторитетомъ науки, какъ скоро утверждаемъ, что никакихъ дѣйствительныхъ исключеній быть не можетъ. Какимъ бы обширнымъ ни оказывалось царство закономѣрности, мы все-же не смѣемъ выводить отсюда логического заключенія, что никакого внимательства въ него никогда не происходило въ прошломъ и что такого не можетъ случиться въ будущемъ“ ⁴⁾). Послѣ такихъ признаній можно считать оправданнымъ эффектное восклицаніе Брюнетьера: „физика уже не въ силахъ противиться чуду!“ ⁵⁾.

Приведенные сейчасъ соображенія, преимущественно математиковъ, какъ мы видимъ, близко сходятся съ изложенными раньше разсужденіями зоолога Ромэнса противъ обычнаго злоупотребленія началомъ причинной связи, которому ошибочно приписывается не свойственное ему универсальное,

¹⁾ Приведено у Courbet. *Introduction scientifique à la foi chrétienne*, 154—157.

²⁾ П. А. Некрасовъ. Московская философско-математическая школа и ее основатели. Москва, 1904. 70.

³⁾ Табрумъ. *Религиозные вѣрованія современныхъ ученыхъ*. Москва, 1912, 18—19.

⁴⁾ Тамъ-же, 131—132.

⁵⁾ Brunetière. *Science et Religion*. Paris, 1895, 58.

всебо́льшее значение, въ ущербъ возможности чуда, тогда какъ въ действительности „сама каузальность есть уже великое чудо“¹⁾. Вотъ еще относящейся сюда же приговоръ бернскаго физика Грунера: откуда, спрашивается, откуда получаемъ мы право естественному закону, который есть вѣдь только объединеніе наблюденій надъ прошлымъ, присыпывать причинительную силу и для будущихъ явлений? свидѣтельство прошлаго, данное намъ въ такъ называемомъ естественномъ законѣ,—что оно доказывается для будущаго? Ссылаются на законъ причинной связи; но прежній вопросъ остается въ силѣ: кто далъ намъ право ожидать подтверждения правильности примѣненія закона причинности ко всему будущему? — Конечно, — не наука! конечно, — не логика, а только вѣра! Но исторія науки доказываетъ, что вѣра въ непрѣмѣнныи законы природы не всегда ведетъ къ истинѣ²⁾. Разсужденія этого рода все чаще начинаютъ встречаться у современныхъ математиковъ и натуралистовъ, и въ этомъ фактѣ нельзя не усматривать проявленія желанія съ одной стороны—освободиться отъ стѣснительныхъ рамокъ прежняго механистического и фаталистического міровоззрѣнія, чтобы объяснить многое, съ его точки зрѣнія недопустимое, но фактически требующее настойчиво признанія, а съ другой стороны—желанія „не слишкомъ грубо“, какъ говорить одинъ биологъ, нарушать традиціонное уваженіе науки къ закономѣрности всего совершающагося открытымъ и полновѣчнымъ признаніемъ наличности чудесъ въ міровомъ процессѣ. Тѣ-же колебанія, тѣ-же полумѣры, которыя я указалъ въ научной области относительно признанія божественного творческаго акта по поводу цѣлесообразности въ природѣ, мы встрѣчаемъ и здѣсь, въ примѣненіи къ вопросу о чудѣ. Рядомъ съ приведенными аргументами математиковъ и физиковъ въ пользу возможности действительной пріостановки обычныхъ естественныхъ законовъ или противдѣйствія имъ иными, невѣдомыми намъ факторами, мы можемъ, разумѣется, указать и на другую тенденцію, уменьшающую значеніе чуда передѣлкою его на раціоналистической ладѣ. На такой точкѣ зрѣнія стоитъ, напримѣръ, физикъ Ол. Лоджъ. Принципиально онъ—за независимость божественной воли отъ какихъ либо

1) Romanes. *Gedanken*, 100.

2) P. Gruner *Glauben und Wissen*. Bern, 1907, 10—11; 13.

„законовъ“: детерминація всего во вселенной, по его мнѣнію, въ высокой степени вѣроятна, по она не уничтожаетъ свободы Верховнаго Дѣятеля, отъ которой зависѣло установление и самой детерминаціи. „Все воистину произошло отъ Бога... и вполнѣ правомѣрно вводить идею Бога въ объясненіе не только прошлаго, но и, въ равной степени, настоящаго и будущаго“ ¹⁾). Съ этой, конечной точки зреінія чудеса, слѣдовательно, возможны: „мы окружены чудесами“ ²⁾) Но, добавляется Лоджъ, чудеса включены „въ инициативу, въ планъ и въ цѣль космоса, каковые всѣ—всѣ физического міра“, тогда какъ все выполненіе этихъ „экстрафизическихъ“ началь всесфера повинуется законамъ механическимъ и, съ механической точки зреінія, вполнѣ укладывается въ ресурсы міра физического ³⁾). Какъ совершается это изумительное сочетаніе „внѣ-физического“ съ физическими—мы не знаемъ: „жизнь не есть только физическая энергія: но она—направительница и управительница энергіи и матеріи. Духъ опредѣляеть; жизнь руководить, направляеть. Эти активныя начала властвуютъ надъ материальної вселенной и контролируютъ ее. Духъ и жизнь властвуютъ надъ матеріей и энергіей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и преоходить еe“ ⁴⁾). Чудесные факты дѣйствительности передъ нами на лицо: мы принуждены признать реальность и ихъ самихъ, и ихъ перво причины, и, наконецъ, полномочности, а слѣдовательно, и свободы этой перво причини: но, „если мы едва-ли способны понять природу, то мы павѣрное неспособны постигнуть Бога“ ⁵⁾). И однако, по мѣрѣ расширенія знанія, чудесное становится все болѣе раціональнымъ: „чудеса всюду окружаютъ насъ: только они не чудесны: акты специального проявленія объемлють насъ собою: только они не специальны. и сама молитва есть способъ общенія столь же естественный и простой, какъ рѣчь“, да и вся „религія становится нынѣ для насъ такою настоящею реальностью, проникая вновь въ духъ современнаго характера и современнаго знанія“ ⁶⁾)

¹⁾ Lodge. Life and Matter, 174, 171.

²⁾ Тамъ же, 80.

³⁾ Тамъ-же, 67.

⁴⁾ Тамъ-же, 69—70.

⁵⁾ Тамъ же, 172.

⁶⁾ Тамъ-же, 72; 80; 213

Но, рядомъ съ подобнымъ двусмысленнымъ отношеніемъ къ чудесному, въ современной науки отрадно констатировать наличность попытокъ дать долгое глубокое и болѣе выдержанное въ научномъ смыслѣ оправданіе послѣдняго. Мы уже говорили объ одной изъ такихъ попытокъ, выражавшейся въ измѣненіи взгляда па объемы и ресурсы начала причинной связи. Укажемъ на другую, болѣе емкую по содержанию, болѣе убѣдительную для духа вѣка по своей способности къ строго-научной, методической разработкѣ: я разумѣю опыты расширенія пониманія закономѣрныхъ, но не фатально протекающихъ процессовъ путемъ введенія въ ихъ объясненіе пріемовъ аритмологическихъ, пріемовъ теоріи прерывныхъ функций¹⁾.

Мы видѣли, что механистическое мірообъясненіе, сводившееся въ концѣ концовъ на материалистическое, привлекало къ себѣ нерѣдко умы строго научные главнымъ образомъ вслѣдствіе связывавшейся съ нимъ надежды дать явленіямъ и процессамъ природы истолкованіе, будто бы поддающееся

—

1) Часть разработки вопросовъ аритмологической закономѣрности принадлежитъ преимущественно русскимъ ученымъ: отчасти—дерптскимъ профессорамъ Тейхмюллеру и А. Ф. Эттигену, въ особенности же московскому математику Н. В. Бугаеву, а затѣмъ проф. В. Г. Алексѣеву и П. А. Некрасову. См. обѣ этомъ труды Бугаева: О свободѣ воли (Труды Москов. Психол. Общества Вып. III. 1899); Основы эволюціонной монадологии; Математика и научно-философское міросозерданіе въ Вопросахъ философіи и психологіи (вып. 45-й) 1898. В. Г. Алексѣева. Die Mathematik als Grundlage der Kritik wissenschaftlich—philosophischer Weltanschauung. Jurjew. 1903. Ueber die Entwicklung des Begriffes der höheren arithmologischen Gesetzmässigkeit in Natur—und Geisteswissenschaften. Leipzig 1904. Математика, какъ основаніе критики научно-философского міровоззрѣнія въ Сборникѣ Учен.-литерат. Общества при Имп. Юрьевскомъ Университетѣ. 1904.—П. А. Некрасова. Московская философско-математическая школа и ея основатели. Москва, 1904, рефератъ „Логика мѣрныхъ некатегорическихъ сужденій и ея отношение къ мірамъ физическому и интеллектуальному (1903—4) и статьи на ту же тему въ Вопросахъ философіи и психологіи кн. 68, 70, вызвавшія статьи проф. С. С. Глаголева. Факторы соціальныхъ явлевій („Вѣра и Разумъ 1903. № 1), проф. А. И. Введенского. О нравственномъ міропорядкѣ (Вѣра и Церковь 1903 № 1) и проф. П. Тихомирова. Математический проектъ реформы соціологии на началахъ философского идеализма въ Богосл. Вѣстникѣ, 1903, № 2). См. кромѣ того Некрасовъ. Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности. Москва, 1902.

наиболѣе точной, математической формулировкѣ. Тамъ, гдѣ таковую удавалось установить, тамъ предполагали обнаруженными незыблѣмые и неизмѣнныя естественные законы, свершающіеся съ абсолютной необходимости, чѣмъ и обосновывалось фаталистическое взѣрѣніе на природу; тогда какъ все то, что не удавалось подвести подъ эту обязательную формулировку, то все одними,—умами болѣе осторожными (агностиками),—относилось въ область непознаваемаго, другими же, болѣе поверхностными, догматическими и тенденціозными (материалистами старого типа), на чисто отрицалось. Въ обоихъ одпако случаяхъ не было обращаемо должнаго вниманія на ту односторонность, съ которой математической методъ объясненія прилагался безразлично и одинаково ко всевозможнымъ явленіямъ и процессамъ. Односторонность же состояла въ использованіи для этого однимъ только математическимъ *анализомъ*, одною только теоріею функций *непрерывныхъ*. Благодаря математическому анализу можно въ явленіяхъ природы установить слѣдующія основные свойства: 1) непрерывность явленій; 2) постоянство и неизмѣнность ихъ законовъ; 3) возможность понять и опредѣлить явленіе въ его элементарныхъ обнаруженніяхъ; 4) возможность складывать элементарные явленія въ одно цѣлое и, наконецъ, 5) возможность точно и опредѣленно обрисовать явленіе для всѣхъ прошлыхъ и предсказать его для всѣхъ будущихъ моментовъ времени. Эти громадныя достоинства математического анализа, оказавши многочисленныя услуги точному знанію въ различныхъ областяхъ естествовѣдѣнія, были однако причиной и переоцѣнки его значенія, подъ влияніемъ чего у многихъ естествоиспытателей установилось убѣжденіе, что въ природѣ лѣтаетъ одно начало причинности и не играетъ никакой роли начало цѣлесообразности. „Но анализъ“, говоритъ проф. Михновъ, излагая выводы Н. В. Бугаева, „есть лишь одна первая ступень въ развитіи научныхъ математическихъ пестинъ; кромѣ него, математика обладаетъ еще аритмологіей, которая, по обширности матеріяла, не уступитъ анализу, такъ какъ подлежащая ея вѣдѣнію прерывность можетъ проявляться въ гораздо болѣе разнообразныхъ формахъ, нежели (изучаемая анализомъ) непрерывность. Поэтому вопросы аритмологии гораздо сложнѣе и труднѣе соответствующихъ вопросовъ“.

анализа. Между темъ далеко не все явления природы могутъ быть разсматриваются съ точки зреиня одной непрерывности: напримѣръ, таблица простыхъ тѣль не подчиняется закону непрерывности: непрерывность непримѣнна при объясненіи химическихъ явлений и т. д. Прерывность обнаруживается тамъ, где появляется самостоятельная индивидуальность, где выступаютъ вопросы о цѣлесообразности, где появляются эстетическая и этическая задачи¹⁾. Примѣненіе теоріи прерывныхъ функций и чисельной объясненію явлений и процессовъ этого рода, примѣненіе едва начинаящегося, раскрываетъ новые широкіе горизонты научному міровоззрѣнію и производить существенный переворотъ въ установившихся взглядахъ на отношенія необходимости и свободы, закономѣрности и цѣлесообразности въ міровомъ строѣ. „Взглядъ на то, что подчиненіе какихъ либо явлений действительности строгими математическими законами есть синонимъ роковой необходимости“, говоритъ Л. М. Лошатинъ, „этотъ весьма обычный взглядъ (послѣ разъясненій Бугаева въ области аритмологии) оказывается только предразсудкомъ. Свобода есть столь же хорошо мыслимое и хорошо обоснованное понятіе, какъ и необходимость. Здѣсь показана не только математическая мыслимость и возможность свободы, но и ея совершенная математическая необходимость при определенныхъ обстоятельствахъ“²⁾: Если явленія астрономической и физической допускаютъ полное приложеніе математического анализа и тѣмъ свидѣтельствуютъ о присущемъ имъ характерѣ универсальности и необходимости при разъ данныхъ имъ основахъ, то все остальные явленія, химическая, биологическая, психическая, не говоря уже о соціальныхъ, обладаютъ лишь прерывною закономѣрностью, требуя примѣненія къ своему объясненію началь аритмологическихъ и выходя такимъ образомъ изъ предѣловъ роковой неизбѣжности. Закономѣрность остается и здѣсь, но „закономѣрность особаго характера, не основанная на законѣ причинности, а нюкоющаяся на законахъ цѣлей, поставляемыхъ свободнымъ, абсолютнымъ Интеллек-

¹⁾ О цѣлительной силѣ природы. Рѣчъ проф. С. Д. Михнова въ актѣ Юрьевскаго университета 12 Дек. 1903 г.

²⁾ Въ рѣчи, произнесенной въ память о Н. В. Бугаевѣ: Вопросы философіи и психологіи 1904. Кн. 72.

томъ", „оставляющимъ свободу и просторъ проявленіямъ индивидуальныхъ качествъ" не только въ области биологической, но, по мнѣнію проф. В. Г. Алексѣева, даже и въ чарѣ атомовъ химическихъ¹⁾. Тамъ, гдѣ въ процессахъ жизни природы проявляются начала волевое и сознательное (а мы видѣли какъ широко раздвигаетъ предѣлы области этихъ началъ новѣйшая биология), тамъ получается нынѣ возможность объединенія психическихъ и механическихъ элементовъ въ нѣкое цѣлое, которому начинаютъ присваивать название психо-аритмо-механизма, наилучшій *иниціативы и прерывности* въ коемъ и требуетъ для своего изученія аритмологическихъ исчислений. Но такъ какъ этотъ живой психоаритмологизмъ, въ которомъ сознаніе и дѣйствіе восполняютъ другъ друга, существуетъ однако на почвѣ длящейся *непрерывности* бытія данного существа, то отсюда возникаетъ необходимость примѣнять одновременно къ изслѣдованію жизни этого существа, кроме аритмологическихъ приемовъ, еще принципы и аналитического исчисленія, обнимающаго и механику²⁾, благодаря чему и совершается объединеніе и примѣненіе механистического объясненія съ спиритуалистическимъ въ понятіи и процессѣ закономѣрности сущаго, болѣе сложной и болѣе емкой, чѣмъ не знающая иниціативы и воли закономѣрность только каузальная, только механическая.

Какія существенно важныя слѣдствія вытекаютъ отсюда для опроверженія прежнихъ возраженій противъ спиритуалистического и теистического міровоззрѣнія и противъ наличности началъ свободы и цѣлесообразности въ міровомъ строѣ—понятно безъ дальнѣйшихъ разъясненій. Не безъ преувеличенія и увлеченія, но во всякомъ случаѣ и не безъ основанія, вырвались по этому поводу у одного публициста восторженныя слова: „въ теоріи чиселъ мысль ученыхъ напутываетъ возможность совсѣмъ иного, чѣмъ теперь, человѣческаго сознанія, совсѣмъ иного отношенія къ миру, возможность давно потерянной и многими оплакиваемой вѣры

1) Алексѣевъ. Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма московской математической школы. Юрьевъ, 1905, 31—35.

2) Предыдущее по Некрасову, Московская философско-математическая школа, 27—29.

въ Бога,. въ смыслѣ очевидности філософской, еще болѣе неопровергимой, чѣмъ законъ причинности въ остаточной природѣ. Если механика природы отклонила пасть отъ постиженія Живого Бога, то фізіологія природы возвращаетъ насъ къ Нему: одинъ отдѣль математики, анализъ, убилъ вѣру: другой, вышедій отдѣль ея, аритмологія, ведеть къ возстановленію вѣры, достойной мудрецовъ¹⁾). Преувеличенія и неточности въ этихъ горячихъ словахъ, конечно, есть: не у всѣхъ математической анализъ, какъ мы видѣли, отнималъ вѣру, а по существу, въ ея первоосновѣ и глубинѣ, религіозную вѣру „убить“ не можетъ никакой математической анализъ, точно такъ же и радикально обосновать ее не можетъ никакая аритмологія. Но есть, повторяемъ, и истиниа въ приведенныхъ словахъ: мы видѣли, какъ въ прошломъ увлеченіе будто бы универсальнымъ примѣненіемъ начала безусловной причинности распинатывало спиритуалистической и геистической взглядъ на міровой строй; мы уже видимъ въ листѣ многочисленныхъ современныхъ ученыхъ какъ, наоборотъ, крѣпшеть и распространяется этотъ постыдный взглядъ, по мѣрѣ роста признания планомѣрности и цѣлесообразности въ жизни природы: для научнаго же оправданія цѣлесообразной, волевой и сознательной закономѣрности теорія прерывныхъ функций и чисель, аритмологія, несомнѣнно открываетъ новую, плодотворную возможность. Одноеторонній, поверхностный рационализмъ механическо-матеріалистического міровоззрѣнія, отклонявшаго свободное, сознательное творческое начало въ процессахъ природы и духа, замѣния его безсознательнымъ и безвольнымъ, долженъ такимъ образомъ уступить мѣсто болѣе глубокому рационализму, не допускающему возможности безсознательного творчества и усматривающему первоисточникъ всей закономѣрности и всей цѣлесообразности міра въ безконечномъ Божественномъ Разумѣ, направляющемъ такъ называемые естественные законы законами высшаго порядка²⁾.

Владимір Кожевниковъ.

(Окончаніе «тѣуетъ»).

1) Меньшиковъ Звѣзды и числа—въ „Новомъ Времени“ № 9990.

2) Некрасовъ. Московская філософско-математическая школа, 63—66.